

Полеты и припадки

Веч. Москва. — 1999 — 17 марта, — с. 5

Ольга ФУКС

— Задумка спектакля «Еще Ван Гог» родилась, когда вы с режиссером Валерием Фокиным, работая над «Карамазовыми и адом», набирались впечатлений непосредственно в психиатрической лечебнице. Это был необходимый опыт?

— Я как-то сказал, что та больница — не самое плохое место. В том смысле, что там не самые плохие люди находятся. И та грань, которая нас, «больных» и здоровых, разделяет, почти не видна. Там я абсолютно точно осознал, насколько все шатко и насколько относительна наша «нормальность». Я и себя имею в виду. То, что случилось с этими людьми, может случиться с каждым из нас, тем более в наше психологически очень трудное время. Я так сказал, а какая-то женщина отреагировала — мол, язык бы надо отрезать Мионову, когда он говорит, что это не самое плохое место. Его бы туда посадить на две недели. Но это к вопросу о том, что надо все-таки дослушивать, потому что глухой, если не расслышит, так приврет.

Я вам даже скажу, что меня тянуло в это место. Знаете, есть такие очаги боли, вроде Онкологического центра в Москве, откуда человек не может выйти, — и не обязательно для этого находиться за решеткой. Мне такое состояние интересно и как артисту, потому что ты видишь очень мощное человеческое состояние, которое может даже внешне никак не выражаться, но я могу себе представить, какой внутри ураган бушует. То, что было сыграно мной «Карамазовых» или «Ван Гоге», — это набросочки, акварели, потому что я вообще не знаю, можно ли и стоит ли это играть по-настоящему. Но меня еще и чисто по-человечески туда тянуло. Говорят ведь иногда, что война — это благо. Конечно, не дай бог нам дожить до такого состояния, когда война необходима, но она очищает души. В людях, сидящих в окопах, переживших эти экзистенциальные моменты, прояв-

Одно из очевидных качеств Евгения Миронова — серьезность. Может быть, поэтому интервью он сейчас фактически не дает, однако если интересы нашего брата журналиста совпадают с тем, что на сегодняшний день занимает его самого, случаются и счастливые исключения. Такой точкой соприкосновения стал спектакль «Еще Ван Гог» — о безумстве и творчестве, о цене, которую платит художник за вдохновение, и цене, которую потом устанавливают на него люди «нормальные». Роль душевнобольного художника Саши сыграл Евгений Миронов, попав в число номинантов на премию «Золотая маска» за лучшую мужскую роль.

ляются их самые лучшие и самые худшие качества. И в этом смысле война напоминает те самые страшные места, очаги боли. Потому что там люди настоящие, поступки настоящие. А сейчас ведь так много фальшивой пены кругом.

Я очень рад, что у нас появился режиссер, который не только продолжает дело Мейерхольда, но и экспериментирует, дает возможность что-то попробовать. Мы все-таки входим в другой век, и почему бы нам не оттолкнуться от нашего реализма, которым мы и так хорошо владеем, и Америку покорили, и весь Голливуд на этой системе работает? Я рад, что в нашем театре появился спектакль, который разбавляет, что называется, струю молочной спелости. А то все восхищаются, какие мы молодые да активные. Как говорит Табаков: с вами что ни поставь, все в лузу...

— Оговорюсь сразу — мне этот спектакль очень интересен, и работа ваша мне кажется мощной. И все же не было ли у вас опасения, что есть некая грань, за которую театру нельзя переступать: играть на сцене безумие?

— Мне кажется, мы остановились на этой границе. Я бы даже сказал, что мы и сейчас продолжаем не столько облегчать проблему, сколько сдвигать акценты. Я говорю не про патологию, не про болезнь, а про творческую личность. Мне интересно заглянуть в святая святых

Звезда «Табакерки» Евгений Миронов играет гения

— творческую кухню, подсмотреть в замочную скважину, если хотите, или, как сказал один артист, приди на наш спектакль, открыть черепную коробку. Ведь интересно, что происходит в мозгу, когда у композитора рождается музыка, а у художника — картина. У моего героя этот процесс заканчивается болезнью, потому что организм не выдерживает такого напряжения во время творческого полета. Так было и у Ван Гога, хотя мой герой — не Ван Гог. Он, кстати, очень боялся своих припадков, все время у врача спрашивал: скажите, это последний припадок? Тот отвечал, что, мол, да, последний. Ван Гог счастливый уходил в поле, писал картину, а потом его находили где-то в канаве за несколько километров. Нам было интересно показать, что происходит с человеком в этом промежутке. И не обязательно демонстрировать пену изо рта или конвульсии.

— А для вас существенно, кого вы играете, — гения или просто

Михаил ГИТЕРМАН

человека, который тянется к творчеству и в результате сходит с ума?

— Существенно. Спектакль вообще про творчество любого человека, потому что в моменты творчества человек в хорошем смысле слова безумен — он как будто отрывает

ся от земли. И для этого не обязательно быть человеком искусства. Но я играю про гения, как мне кажется. Потому что только гений может в чудовищных для человека условиях (а мы с Валерой Фокиным специально это заострили) существовать так, что обстоятельства для него ничего не значат. Ему не важно — кормят его или не кормят, заперт он или не заперт, есть ли вонь и так далее. Он — как единая точка, в которой живет мысль. Недавно я узнал, что Рихтеру было не важно, на каком рояле он играет. И был потрясен. Потому что мне не все равно, какой, например, зал. Я начинаю капризничать. А Рихтер, проехав не только весь мир, но и всю российскую провинцию, мог играть на каком-нибудь допотопном рояле в клубе. И я уверен, играл гениально. Гений умеет абстрагироваться от обстоятельств.

— Через весь спектакль лейт-мотивом проходит вопрос о том, что такое норма, когда речь идет о творчестве: может ли художник быть в принципе нормален и стоит ли лечить его рассудок, убивая в нем при этом художника. По-вашему, что такое норма?

— «Русский стандарт», что ли? Это очень индивидуально. Наверное, это чувство меры, которое должно присутствовать во всем. А может, и стоит иногда отпускать себя. Хотя что значит для артиста отпускать себя. Как говорила Раневская, если бы я забывалась, упала бы в оркестровую яму. Другое дело, что иногда случается то, что называется — Бог вдул в ушко. И это не связано ни с обстоятельствами, ни с хорошей подготовкой спектакля. Я смотрю на одну нашу балерину, Ульяну Лопаткину, и понимаю, что это уже выходит из разряда «нормы». А расшифровать не могу.

— У вас нет ощущения, что вам стало немного тесно в «Табакерке», и театр должен подстраиваться под вас?

— Я очень благодарен Табакову, что он отпускает меня на мои проекты. Проекты — это хорошо, но они заканчиваются, а я человек очень домашний, и дом для меня — это театр Табакова. Один раз мои планы пошли вразрез с интересами театра, но я выбрал то, что хотел, и мы сумели найти компромисс. К тому же я очень люблю свои старые спектакли. «Бумбараш» — это знаете, какая отдушина!